

Нина Б. Мечковская

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ В
СОЦИАЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ:
ГЛУБИНА ДИАЛЕКТНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЯЗЫКА И
ВРЕМЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЕГО ЭТНИЧЕСКОГО
НАДИАЛЕКТНОГО СТАНДАРТА***

1. Принципы социальной типологии языков

1.1. О соотношении понятий «социальная типологии языков» и «типология литературных языков». Традиционная для славистики дисциплина «история литературных (стандартных) языков»¹ в последней трети XX в., по мере развития в ней интереса к типологии литературных языков (далее ЛЯ), все чаще приходила к необходимости расширить поле своего зрения и посмотреть на ЛЯ в коммуникативном контексте всей языковой ситуации в разные периоды ее истории. Н.И. Толстой еще в 1968 г. показал, что действительное (т.е. причинно-историческое) понимание своеобразия ЛЯ предполагает, во-первых, рассмотрение ЛЯ в его взаимоотношениях со своими диалектами, койне и региональными языками (если они есть), просторечием и жаргонами; во-вторых, исследование взаимоотношений данного ЛЯ с другими языками (надэтническими и этническими) в истории языковых ситуаций данного ареала (Толстой [1968] 1988). Приоритетность для истории и типологии ЛЯ внимания к истории языковых ситуаций Н.И. Толстой подчеркнул в заглавии 2-го тома своих "Избранных трудов" (1998), включившего основные работы по истории литературных славянских языков: изданная посмертно книга была названа автором "Славянская литературно-языковая ситуация" (Толстой 1998). В упомянутой работе 1968 г. Н.И. Толстой показал в действии главный метод типологического исследования "стандартности" ЛЯ. Автор

* Исследование выполнено по проекту, получившему финансовую поддержку Германского Института академических обменов (Deutscher Akademischer Austauschdienst). Автор глубоко признателен DAAD за предоставление гранта и Семинару славистики Рурского университета (г. Бохум), прежде всего профессору Хельмуту Яхнову, за создание прекрасных условий для работы над темой.

¹ «Литературный язык» – это не только традиционный для славистики предмет исследования и преподавания, но и одна из отличительных черт славянского языкознания: подобного предмета нет ни в германистике, ни в романистике.

назвал его «анкетным»: формулируются типологически релевантные признаки (это как бы бланк анкеты или матрица идентификации языков по дифференциальным признакам [далее ДП]), а затем исследуется, как каждый ДП реализован в каждом языке данного круга.

1.2. Дифференциальные признаки (ДП) в социальной лингвотипологии языков и их параметрическая природа. Состав ДП, релевантный для социальной типологии языков, следующий: 1) монолитность vs. дивергентность (т.е. степень ареальной консолидированности языка); 2) «возраст» и степень традиционности современного ЛЯ; 3) сила иноязычных влияний на язык на протяжении истории его языковых ситуаций и его контактов (с различием влияния надэтнического языка (церковнославянского и/или латыни), инославянских и неславянских); 4) степень распространённости языка за пределами своего этноса (моноэтничность vs. полиэтничность языка); 5) коммуникативный ранг языка: состав функций и официальный статус (что в социолингвистике иногда трактуют как «витальность» языка²); 6) степень либерализма и плюрализма в национально-языковых вопросах (с учетом вектора языковой политики) как параметр языковой ситуации. Основные оппозиции славянских языков по перечисленным ДП имеют градуальный характер: различия между языками состоят именно в «степенях», «рангах», «объемах», «дистанциях», «возрастах» и т.п. Именно поэтому исследование ситуаций с учетом сформулированных ДП в принципе допускает или даже предполагает количественную оценку их проявления.

Мысль о ценности количественных методов в типологии ЛЯ была выдвинута Д. Брозовичем, который стремился ранжировать разные ДП и их вклад в создание типологического своеобразия ЛЯ с помощью специальных коэффициентов (Брозович 1967, Brozović 1970; ср. также недавний анализ методологии Брозовича в работе Wingender 1998, 134–136). Количественные методы в социокультурной лингвохарактерологии представляются исключительно перспективными, поскольку оппозиции языков почти по всем ДП носят градуальный характер и в принципе допускают измерение, хотя конкретные исследования такого рода (на основе единого набора ДП и с учетом количественных аспектов их реализации) еще не проводились, а их трудоемкость в ареале всей Славии, по-видимому, сопоставима с объемом работ над Общеславянским лингвистическим атласом. Количественные и параметрические методы перспективны как в синхрон-

² Ср. понятие «витальности», в котором суммируются и обобщаются все социолингвистические параметры конкретного языка, а также различия в степени «витальности» в итоговых характеристиках языков, представленных в энциклопедии *Письменные языки 2000*.

ной типологии, так и в типолого-диахронических исследованиях (см. Perkins 2001) и особенно при выявлении типологически релевантных результатов языкового контактирования, что позволяет, например, различать «просто» изменения и «типологически значимые» изменения (Thomason 2000, 1641) или рассматривать разные типы межъязыкового воздействия на судьбы языков в их параметрических проявлениях (Sasse 2001).

1.3. О различиях в зависимости ДП социальной лингвотипологии от «человеческого фактора». В настоящей работе рассмотрены два первых ДП из предложенных шести³. Возникает естественный вопрос: почему или в каком отношении данные ДП – «первые»? Значит ли это, что «первые» ДП – это «судьбоносные» черты языков, самые важные в их социальной истории?

«Два первых» ДП, в которых сконцентрированы лингвогеографические и хронологические параметры социальной лингвотипологии (т.е. как бы лингвистические «пространство и время» в качестве тех объективных координат, в которых осуществлялась социальная история языков), являются первыми по своему масштабу и независимости от «человеческого фактора». Диалектный ландшафт языка и хронология ключевых событий в истории письменной культуры народа представляют собой настолько масштабные феномены, настолько независимые от целенаправленных усилий людей, что, особенно в сравнении с другими ДП, они выступают как «надчеловеческие» макрочерты языков. Однако, будучи первыми по масштабу и независимости от сознания людей, эти признаки не являются первыми по своей роли в судьбе языков.

Таким образом, последовательность ДП, релевантная для социальной типологии языков, представлена в разделе 1.2. в направлении от внутренних признаков (относительно менее зависимых от «человеческого фактора») к признакам, которые являются прямым результатом сознательной активности людей, направленной на урегулирование взаимоотношений языков в многоязычных социумах. Если предложенные ДП ранжировать по их релевантности для синхронной социокультурной характерологии языков, то последовательность ДП окажется развернутой почти в противоположном направлении (об этом см. в разделе 5).

³ Оппозиции славянских языков по всем предложенным ДП представлены автором в работе «Типы языковых ситуаций и нормативно-стилистических систем в социальной характерологии славянских языков» (в печати). В общелингвистическом плане принципы социальной типологии языков изложены автором в книге Мечковская 2001. Типологическая характеристика русского языка на основе предложенного набора ДП представлена в работе Мечковская 2001[а].

2. Диалектный ландшафт в социальной типологии славянских языков: монолитность vs. дивергентность и степени ареальной консолидированности языка

Ареальная консолидированность этнического языка проявляется в трех взаимосвязанных аспектах, в известной мере имеющих и собственную причинность: 1) в степени диалектного разнообразия языка, которая определяется количеством отдельных идиомов (самостоятельных диалектов) и, главное, глубиной (или «силой», «резкостью») различий между диалектами или группами диалектов; 2) в величине дистанции между диалектами и ЛЯ (при этом имеется в виду удаленность большинства «рядовых» диалектов (т.е. не тех, которые волею судеб явились диалектной базой наддиалектного ЛЯ); 3) в наличии конкурирующих наддиалектных образований (региональных языков или норм), могущих претендовать на роль языкового стандарта, общего для всего народа.

Вполне очевидна взаимная зависимость названных аспектов: значительность диалектных различий способствует сложению нескольких наддиалектных узусов, в достаточной мере различных между собой, чтобы сохранять свою обособленность, и достаточно сильных, чтобы конкурировать друг с другом. Закономерно, что большинство славянских литературных микроязыков (см. Дуличенко 1981) сформировалось в южнославянском ареале, т.е. в зоне максимальной в Славии глубины междиалектных различий. Победившая норма (стандартный макроязык народа) в значительной мере наследует от того «избранного» историей идиома, который оказался диалектным субстратом при формировании стандарта, его дистанцию по отношению к большинству «рядовых» диалектов.

Относительная самостоятельность названных аспектов проявляется, в частности, в том, что лингвистическая удаленность диалектов от ЛЯ зависит не только от глубины междиалектных различий, но и от типологических особенностей ЛЯ (его «возраста», меры его традиционности, лингвистической идеологии его первых кодификаторов и др.; см. ниже разделы 3-4). С другой стороны, для превращения диалекта в региональный язык недостаточно одной его резкой структурной обособленности от других диалектов: нужны определенные социолингвистические условия (наличие социальной прослойки «ревнителей» нарождающегося языка, т.е. людей, которые на нем «пишут» и «учат», стремятся превратить родной диалект в ЛЯ и готовы работать для его распространения; необходимо также наличие некоторой «критической» массы людей, для которых данный идиом является родным).

2.1. Степень диалектного разнообразия и глубина диалектного членения языка. При оценке диалектного разнообразия языка существенно, сколько в нем имеется отдельных диалектов. Однако при современном

состоянии славянской диалектологии данные о количестве «отдельных» идиомов, а также об иерархии диалектного членения в ареалах разных языков несопоставимы. Например, в словенском языке, который в Славии представляет собой случай максимальной диалектной дробности, насчитывается 50 идиомов, образующих 8 крупных наречий (Logar, Rigler 1986). С другой стороны, на территории языка с относительно неглубокими диалектными различиями, а именно в центральном ареале Европейской части России, представленном в «Диалектологическом атласе русского языка» (Москва, 1986, 1989), Н.Н. Пшеничнова насчитывает 4000 говоров (на 4195 населенных пунктов!)⁴, сводимых к 34 диалектным подтипам и, далее, к 4 типам «первого ранга» (здесь к традиционным трем добавлен «западно-русский» тип говоров; см. Пшеничнова 1996). Понятно, что счет диалектам в двух славянских ареалах велся на разных основаниях. Впрочем, для характеристики ареала важно не число выделяемых идиомов, а глубина различий между ними.

Глубина диалектных различий в целом пропорциональна их древности. С.Б. Бернштейн писал, что «еще в недрах праславянского языка [...] наиболее дифференцированной в диалектном отношении была южнославянская группа [диалектов]» (Бернштейн 1990, 461), при этом, в силу глубины древнейших различий, «южнославянского праязыка никогда не существовало. Даже некоторые диалектные различия внутри сербохорватского языка (в частности, древнейшие различия между штокавскими и чакавскими диалектами) сформировались еще в добалканский период на территории Паннонии (т.е. до VII в.)» (Бернштейн 1977, 14). «Наиболее компактной была та группа праславянских диалектов, на основе которых позже возникли восточнославянские языки» (Бернштейн 1990, 461). В лингвогеографической проекции на современное языковое состояние Славии это означает, что максимальные межъязыковые различия характерны для ареала южнославянских языков, а максимальная близость — для восточнославянских⁵.

⁴ В конце концов, действительно, в каждой деревне говорят в чем-то «по-своему». При существующих методах оценки дистанций между идиомами ничто не мешает утверждать, что у каждой деревни — свой диалект.

⁵ У объективно существующих дистанций между языками имеется также и субъективный коррелят (выявляемый психолингвистически): это представления говорящих на соседних родственных языках о степени «отдельности», взаимной удаленности языков. В свете отмеченной близости восточнославянских языков характерна экспликация массового сознания, прозвучавшая на III Международном конгрессе украинцев (Харьков, 1996) в докладе О.О. Тараненко (в то время сотрудника академического Института украинского языка): «[...] в масовій свідомості українська мова ще не завершила етап віддиференціювання від інших мов, необхідний для її остаточного усвідомлення як окремої мови» (Цит. по работе Стишов 1999, 20).

В современном языкознании отсутствуют надежные способы измерения расстояний между языками. «Wie aber kann man Nähe oder Ferne von Sprachen zueinander objektiv, d.h. ohne politisch motivierte Einäugigkeit messen?», – спрашивает в преамбуле к своему опыту оценки расстояний между украинской, польской и русской морфологией Ю. Бестерс-Дилгер и заканчивает статью не ответом, а новой россыпью вопросов (Besters-Dilger 2000).

Упомяну о собственном скромном опыте количественной оценки дистанций между восточнославянскими языками (представленном в работе Мечковская 1999). На материале 9 фрагментов из трех языков, длиной в 100 словоформ (из Евангелия от Матфея) было подсчитано количество несовпадающих граммем (включая такие асемантические расхождения, как различия по роду у неодушевленных существительных (типа укр. *одяг* – рус. *одежда*) и как несовпадения между синтаксически зависимыми граммемами); было подсчитано также число несовпадающих лексем, т.е. лексем, которые различаются корнем или хотя бы аффиксами (как бел. *адзенне* – рус. *одежда*). В таблице приведены среднеарифметические данные о количестве межъязыковых различий по трем парам языков.

Таблица 1. Количество межъязыковых различий, приходящихся на 100 словоформ эквивалентного текста

Пары языков	Количество несовпадающих граммем	Количество несовпадающих лексем
Белорусский и русский	07	43
Украинский и русский	12	50
Белорусский и украинский	13	30

Представленные результаты согласуются с интуитивными оценками тех жителей русских городов (не филологов), которым приходилось хотя бы по радио слышать белорусскую и украинскую речь, близости украинского и белорусского языков к русскому: белорусский язык, по оценкам таких информантов, ближе к русскому, чем украинский к русскому. Что касается аналогичных показаний жителей Беларуси и Украины, то такие оценки были бы нерелевантны в силу повсеместного белорусско- и украинско-русского двуязычия в соответствующих странах. Поэтому тот факт, что белорусский и украинский языки ближе между собой (во всяком случае, лексически), чем каждый из них к русскому языку, ускользает от внимания двуязычных индивидов.

Для надежности такого рода подсчетов необходимо обращение к эквивалентным текстам разных стилей и жанров, потому, в частности, что переводы на восточнославянские языки "Всеобщей декларации прав человека" (ООН) оказались ближе друг к другу, чем тексты из Евангелий, хотя указанное выше распределение «мест» по степени взаимной близости между языками сохранялось. Но и в кругу библейских переводов существенны время и место их создания. Например, старобелорусское Евангелие в переводе Василия Тяпинского (Тяпино, 1560-е гг.) оказалось ближе к современному русскому Евангелию, чем к современному белорусскому. Проблема эквивалентности текстов требует отдельного обсуждения. Замечу только, что переводы художественных текстов (допустим, с третьих языков) не могут быть признаны эквивалентными.

Однако предложенная методика не применима к диалектам, с их устной формой бытования, исключаяющей наличие эквивалентных текстов.

Первые выпуски Общеславянского лингвистического атласа (далее ОЛА) дают, к сожалению, лишь косвенный материал для оценок такого рода – и даже не столько в силу незавершенности издания, сколько из-за его «нетипологической» направленности⁶. Тем не менее, некоторые типологические выводы, свидетельствующие о разной мере диалектного разнообразия славянских языков, были сделаны, и возможности такого рода наблюдений не исчерпаны.

С достаточной надежностью можно указать полярные по данному признаку языки Славии: максимальные диалектные различия характерны для словенского языка⁷, минимальные – для русского (черта русского языка, отмеченная еще Ломоносовым). Относительно ясны также различия между языками (по указанному признаку) внутри подгруппы славянских языков: различия между диалектами украинского языка глубже, чем между белорусскими диалектами; польский язык дифференцирован сильнее, чем чешский и словацкий, а диалектное пространство хорватского языка дифференцировано сильнее, чем сербского и болгарского языка. Однако ранжирование всех славянских языков по данному признаку затруднено.

Основная трудность такого рода оценок состоит в том, что неясно, как «суммировать» массы разноуровневых различий (фонетических, морфологических, лексических, семантических и др.) и как «взвешивать» их общий «вклад» в создание различий между идиомами. Представляется, что решением проблемы было бы не простое «суммирование» списков различий, поскольку это лишь материально-языковая экспликация взаимной удаленности двух идиомов, причем именно «списочная» экспликация, не учитывающая всей «массы» различий, зависящей от того, насколько часто в коммуникации встречаются те или иные конкретные различия. Путь к решению проблемы видится в н а б л ю д е н и я х за тем, насколько

⁶ В 1988 г., на презентации первых томов ОЛА, С.Б. Бернштейн говорил, что поставленная IV Международным съездом славистов (1958) задача создания нового типа атласа, который был бы построен «на основе сравнительной грамматики славянских языков, с особым вниманием к проблемам типологии славянских диалектов», оказалась не решенной; в работе над ОЛА возобладали подходы, выработанные для атласов отдельных языков, но недостаточные для новых задач: «составители частных славянских атласов проходят мимо проблем типологии» (Цит. по тексту «Представление первых томов Общеславянского лингвистического атласа научной общественности Москвы», в кн.: ОЛА 1993, 213).

⁷ До распада СФРЮ (1991) на втором месте по глубине диалектных различий был сербскохорватский; в настоящее время на ее территории существуют три языка: сербский, хорватский и боснийский; не исключено, что в недалеком будущем из сербского языка выделится черногорский (см. Nikčević 1998).

затруднена коммуникация носителей двух разных идиомов, если каждый из них говорит на своем диалекте. Поэтому так ценны надежные свидетельства такого рода⁸, а также профессионально авторитетные целостные оценки «языковых расстояний»⁹. Условия, которым должны были бы отвечать подобные систематические наблюдения, остаются пока неясными. Ниже приводятся некоторые разрозненные разноразноуровневые проявления разной «силы» диалектных различий внутри некоторых славянских языков.

2.1.1. В русском языке главные звуковые отличия северно-, средне- и южнорусских диалектов связаны не с составом фонем, но с разными интегральными признаками фонем (например, фрикативный или взрывной характер звонкого заднеязычного) и с различиями в реализации фонем в речи (оканье, аканье, иканье и т.п.). Во всех других славянских языках между диалектами имеются различия именно в составе фонем (т.е. различия, затрагивающие фонологическую структуру диалектного типа).

2.1.2. Как показывают имеющиеся сводные карты ОЛА для русских диалектов характерна минимальная вариантность в континуантах праслав. *ę [е носовое], в том числе по сравнению с украинскими и белорусскими диалектами; максимальное разнообразие засвидетельствовано в словенских диалектах: 8 разных независимых рефлексов *ę (ОЛА 1990). На словенской территории отмечено также максимальное число фонетических рефлексов праслав. *ъ [звук на месте древней буквы «ять»] в позициях максимальной дифференциации – 15, в то время как в украинском языке соответствующих рефлексов отмечено 7, в сербском и хорватском – 7, в словацком – 5, в белорусском и русском – по 4, в серболужицких диалектах – 3 (ОЛА 1988, 150-151)¹⁰.

2.1.3. Пробные лексические карты ОЛА выявили *mutatis mutandis* сходную картину, причем, что важно, для обозначений самых обычных и высоко частотных представлений

⁸ Как, например, замечание Ганны Поповской-Таборской, специалиста по западно-славянским языкам, о том, что поляк из центральной Польши и поляк, говорящий на северокашубском диалекте, не поймут друг друга (Porowska-Taborska 2000, 171); или свидетельства «lack of mutual comprehension» между носителями далеких друг от друга словенских диалектов (Priestly 1993, 446), в отличие от вывода Р. де Брэя относительно ареала бывшего сербскохорватского языка: «as a language is essentially one, i.e. mutually intelligible without previous study» (Gray 1969, XXVI).

⁹ Например, такие: «Напомню, что диалекты немецкого языка различаются между собой во многих случаях гораздо сильнее, нежели самостоятельные славянские языки» (С.Б.Бернштейн, в выступлении, указанном в сноске 6); «[...] фонетика, морфология, синтаксис и лексика чакавского и кайкавского языков (диалектов) довольно резко отличаются от штокавского. Эти различия, может быть, даже большие, чем между великорусским, белорусским и украинским диалектными типами» (Толстой [1968] 1988, 32). Заметно, что подобные оценки самим авторам представляются очевидными, но недоказуемыми, отсюда момент нестрогости в их формулировках.

¹⁰ На этой карте («Сводная карта № 2») данные по чешским и польским диалектам представлены в более обобщенном виде (по сравнению с данными по ареалам названных выше языков) и поэтому не вполне сопоставимы с ними. Информация по болгарским диалектам в ОЛА 1988а отсутствует.

(таких, как 'лес', 'спрашивает', 'сегодня'). Например, слов со значением 'лес' в русских и белорусских диалектах отмечено по одному, в македонских – 2, в ареалах большинства языков Славии – по 3–4, в словенском – 6; слов со значением 'спрашивает' в русском и польском ареалах отмечено по 2, в белорусском, словацком, чешском, болгарском, македонском – по 3, в украинском – 4, в словенском – 5 и т.д. (ОЛА 1974, 96–97). Для первых лексико-словообразовательных карт («Животный мир») достаточно характерна такая картина: на огромном пространстве русского языка представлены дериваты 2–4 корней, в то время как в многократно меньших ареалах других языков – дериваты большего количества корней (см. карты обозначений аиста, бабочки, кузнечика, дождевого червя в ОЛА 1988[а]).

Характерная для русского ареала максимальная в Славии близость между ЛЯ и диалектами (при минимальной взаимной дифференцированности русских диалектов) коррелирует с тем, что в ареале русского языка наблюдается максимальное нивелирующее воздействие ЛЯ на народные говоры. Т.И. Вендина в комментариях к выпуску ОЛА «Животный мир», отмечая всеславянский характер утраты диалектизмов под «натиском литературных форм», указывает, что «сильнее всего этому процессу оказались подвержены русские говоры (они выделяются не только в восточнославянском ареале, но и на всей Славии)» (Вендина 1996, 25). В западнославянском ареале наибольшее влияние стандартного языка испытывают польские диалекты, у южных славян – сербские и хорватские диалекты; «значительно слабее [этот процесс] протекает в македонских, словенских, украинских и особенно лужицких диалектах, где отмечен самый высокий в Славии процент диалектизмов по отношению к другим диалектным зонам» (Вендина 1996, 26). Устойчивость лужицких диалектных зоонимов обусловлена тем, что в лужицкой ситуации наиболее важным источником «культурного» влияния является не славянский, а генетически далекий немецкий язык. Естественно, что его воздействие, «при прочих равных», затруднено его меньшей «органичностью» по отношению к диалектам.

2.2. Степень "отстояния" (удаленности) диалектов от ЛЯ. Дистанция между ЛЯ и «рядовыми» диалектами (т.е. диалектами, не являющимися субстратами ЛЯ) зависит не только от контрастности собственно диалектного ландшафта, но и от типологически релевантных черт ЛЯ – его «возраста», меры традиционности, а также особенностей принципов и практики его начальной кодификации. Так, резкое своеобразие чешского ЛЯ (его материально-языковая архаичность и книжность; его максимальная в Славии отдаленность от диалектов и обиходной городской речи) связано с лингвистической идеологией и практикой кодификации чешских «будителей», возродивших язык «доболегорской» чешской книжности. В XIX в. этот язык был слишком далек от разговорной речи горожан, чтобы в нем, в границах ЛЯ, сложился узус разговорной и при этом нормированной (литературной) речи. В приватном общении горожан использовалось интердиалектное койнэ (собственно чешских говоров), на основе которого к началу XX в. сложился разговорный чешский язык (*obecná čeština*), противопоставленный литературному (*spisovná čeština*). В то время как в других славянских языках разговорная речь, хотя и противопоставляется кодифи-

цированной норме, но все же включается в качестве нижнего функционально-стилистического регистра в границы нормированного языка, в чешском языке обиходное общение до сих пор происходит на идиоме, который не является нормативным. «Синтез [«старого книжного языка и разговорного чешского языка»] не осуществлен до сих пор» (Бернштейн 1977, 18), хотя в крупных городах постепенно вырабатывается разговорный вариант ЛЯ (*hovorová čeština*, или *běžně mluvená čeština*).

Сравнительная близость современного польского ЛЯ к диалектам (вопреки довольно глубокой диалектной дифференцированности польской территории) связана с тем, что польский ЛЯ в значительной мере формировался как компромиссное койне, при кодификации которого сознательно сглаживались различия и выбирались формы, объединяющие великопольские и малопольские, а затем и мазовецкие диалекты. В целом польский язык занимает второе место (после чешского) по величине дистанции между ЛЯ и диалектами; затем следуют ЛЯ болгарский, словенский, русский; для остальных ЛЯ Славии степень их удаленности от диалектов определяется глубиной дифференцированности именно диалектного ландшафта (а не характером ЛЯ).

2.3. Наличие конкурирующих наддиалектных письменных образований (региональных языков или норм), могущих претендовать на роль языкового стандарта, общего для всего народа.

2.3.1. В современной Славии серьезное соперничество региональных наддиалектных языков отсутствует. Два серболужицких языка не могут быть примером хотя бы «умеренной» конкуренции, поскольку уже в XVI в. между языками верхних и нижних лужичан имелись достаточно глубокие различия, «которые сильно затрудняли и даже делали совершенно невозможным их взаимопонимание» (Шустер-Шевц 1989, 6). При этом нижнелужицкий язык не выходил за пределы Нижней Лужицы; иначе говоря, языки никогда не конкурировали, а главное, каждый из них решает задачи на выживание в условиях прежде всего немецкого окружения. Опозиция Загреба и Белграда (*хорватскосербского vs. сербскохорватского языков*), существовавшая еще при Тито (в «Декларации об имени и положении хорватского языка» 1967 г.), разрешилась разделением сербскохорватского языка на два, а потом и на три языка. Что касается так называемых литературных микроязыков – 8 региональных языков в бывшей Югославии, Польше, Чехии и Словакии (*югославо-русинский, чакавский, кайкавский, прекмурско-словенский, кашубский, яшский, восточно-словацкий, резьянский*) и 4 микроязыков за пределами славянских земель (в Италии, в США, в пограничье между Румынией и Хорватией, в Западной

Венгрии, – то их ревнители озабочены сугубо местными проблемами, мало значимыми для языковой ситуации в ареалах этнических языков.

2.3.2. В истории (в том числе в недавнем прошлом) большинства славянских языков (кроме русского и белорусского) было время, когда в ареале этнического языка существовало по два, реже по три региональных узуса. Глубина расхождений между ними, как и острота соперничества, были различными: 1) они минимальны в оппозиции Москва – Петербург в императорский, а затем в советский периоды истории России; далее, по нарастающей следуют: 2) оппозиция западночешских диалектов (Прага) и восточных (моравских), переходных к словацким¹¹; 3) соперничество малопольских (Краков), великопольских (Познань), позже еще и мазовецких (Варшава) диалектов; 4) противостояние западноболгарских диалектов (София) и северо-восточного интердиалекта (вокруг Тырново, который до 1879 г. был столицей Болгарии), ставшего диалектной основой ЛЯ; 5) соперничество между доленьским наречием (родным для Приможа Трубара и Юрия Далматина, переведших в XVI в. на словенский соответственно Новый Завет и полную Библию) и гореньским наречием вокруг Люблины (при том, что словенский ЛЯ является в значительной степени наддиалектным); 6) существование ряда региональных традиций в хорватских землях. У словенцев и хорват различия между региональными письменными традициями было настолько сильным, что основной проблемой их национального возрождения было не разделение и обособление, а сплочение: на территории Словении трех письменных традиций в одну, словенскую; в хорватских землях – 9 традиций, включая латинскую и глаголическую (о хорватской ситуации см. подробно Толстой [1987] 1998).

Серьезные различия между региональными письменно-литературными нормами имели место в украинском языке, причем в относительно недавней его истории – в XIX в. Сила различий связана не только с глубиной диалектной дифференциации, но и с тем, что разные ареалы украинского языка оказались в существенно различных языковых ситуациях: 1) в Российской империи, где до 1905 г. власть трактовала украинский язык как «малороссийское наречие» великорусского языка, и где общественное использование украинского языка ограничивалось публикацией художественных текстов и исторических документов; 2) в Габсбургской монархии, при этом в ареалах с существенно разными условиями для выживания или развития украинского языка: 2а) относительные этноязыковые свободы в «Австрийской Украине» (Галиция) и 2б) полное этноязыковое

¹¹ Как заметил Р. де Брэй, «had the eastern (Moravian) dialects, which show a transition stage to Slovak, been chosen, it might not have been necessary to create a separate Slovak literary language» (Bray 1969, 438).

бесправие украинцев в «Угорской Украине» (тех украинских земель, которые находились под управлением венгерской администрации).

Украинская книжность и украинская политическая публицистика Галиции в течение тридцати лет (1876-1905) была, по оценке И.И. Огіенко, "захистом і для східньо-українського слова" (Огіенко 1949, 234.). В начале XX в. Галиция оказывала мощное украинизирующее влияние на восточную Украину. Это было заметно даже в языке¹², хотя такой общепризнанный лидер галицийской словесности, как Иван Франко выступал за консолидацию двух ветвей украинской литературы на языковой основе надднепровской Украины. Как знать - если бы не бурные события Первой мировой войны, последовавших войн и революций, если бы не провозглашение независимости Украины и связанный с этим резкий взлет престижа украинского языка в его левобережном варианте - как сложились бы судьбы украинского ЛЯ. История не пишется в кондигнале, но существовали еще, как минимум, две возможности: 1) украинский язык Галиции мог стать самостоятельным языком (если бы Галиция не соединилась с левобережной Украиной); 2) если бы в 1918-1919 гг. УНР сумела избежать советизации, защитить суверенитет и удержать единство украинских земель, в Украине возникла бы конкуренция двух культурных центров - Львова и Киева, что привело бы к конкуренции двух вариантов ЛЯ. На фоне русифицированной восточной Украины преимуществва естественной украинской идентичности Галиции, ее украинские школы, газеты и журналы могли бы привлечь к языку Ивана Франко и Василя Стефаника многих.

Глубокие диалектные различия между западными и восточными ареалами Украины в сочетании с ее разделенностью в период между мировыми войнами и комплексом национально-языковых проблем вокруг Крыма привели к тому, что в современной Украине имеется не одна, а по меньшей мере три, но, скорее всего, пять языковых ситуаций. Ср. ниже в таблице 2 выборочные данные о степени украинизации образования в Украине в целом и в некоторых ее контрастных регионах.

Различие языковых ситуаций и двух вариантов ЛЯ в современной Украине переросло в волнующее политиков противопоставление двух регионов страны: русифицированной восточной Украины, в речевой практике которой преобладает суржик, и западной Украины, где распространено пренебрежение к украинцам остальных областей страны («зрусифіковані та зденаціоналізовані» «східняки», «єнки» и т.п.) (см. Українська мова 1999, 41, 58, 363). Язык украинской диаспоры восходит к львовскому интердиалекту.

¹² Иван Нечуй-Левицкий, по характеристике Ю. Шевельова, "запеклий ворог усього галицького", в 1907 г. так писал об этом влиянии: "Наші молодші люди читались галицьких газет так, що по мові зовсім погаличанилися, неначе так завзято падали коло цієї справи, що аж повиучували ті газети й журнали й їх мову напам'ять" (Цит. по работе Шевельов 1998, 27).

Таблица 2. Удельный вес обучения на украинском языке в детских садах, средних школах и вузах Украины в 1996 уч.г. (в процентах)

Степень образования	Регионы Украины						
	Украина в целом	Киев	Киевская область (без Киева)	Донецкая область (с Донецком)	Автономная республика Крым	Севастополь	Львовская область (со Львовом)
Детские сады	69	99	97	15	0,3	0,5	99,6
Средние школы	60	76	93	0,7	0,1	0,2	97,0
Вузы	56	75,3	99,4	11	0,2	0,0	100

Источник: Українська мова 1999, 48-52.

3. Временные параметры в социальной типологии славянских языков: «возраст» и степень традиционности современного литературного языка

Два связанных со временем параметра ЛЯ – его «возраст» и степень традиционности – удивительным образом взаимодействуют. Высокая степень традиционности конкретного ЛЯ может как бы увеличить его «возраст», а незначительная традиционность – уменьшить. С другой стороны, то конкретное историческое время, на которое приходится начало ЛЯ, точнее, лингвистическая идеология этого времени, влияет на отношение создателей ЛЯ к традиции; ср., с одной стороны, фольклорно-романтическое отталкивание от славяносербского языка XVIII в. у Вука Караджича, а с другой, более бережное отношение к традиции у первых кодификаторов новоболгарского ЛЯ (1850-е гг.), тем более, верхнелужицкого и особенно – у чешских «будителей» (вплоть до реставрационных интенций).

Эвристическая ценность временных характеристик ЛЯ связана с тем, что степень дифференцированности нормативно-стилистической системы языка есть функция времени, в течение которого совершалась история ЛЯ. Чем старше «возраст» современного ЛЯ, т.е. чем продолжительнее его история, чем сильнее его связи с предшествующей письменнo-литературной традицией, тем, при прочих равных условиях, больше расстояние между ЛЯ и субстандартными вариантами языка (диалектами и просторечием), тем глубже и определеннее семантико-стилистическая дифференциация языковых средств, тем четче сформированы и взаимно обособлены функциональные стили.

3.1. О различии во временных границах современных ЛЯ. «Возраст» современного ЛЯ зависит от продолжительности того последнего этапа в его истории, который в настоящее время осознается носителем языка как со временем. Его начало определяется хронологиче-

скими границами читаемой в современном национальном коллективе отечественной литературы. Эти границы в основном совпадают с творчеством классиков национальной литературы, в художественной практике которых формировался ЛЯ. Время его кодификации зависит от условий формирования ЛЯ. Если новый ЛЯ формируется в условиях относительно непрерывной традиции (т.е. если современному языку непосредственно предшествовал определенный письменно-литературный узус), то основы его кодификации могут быть выработаны раньше, чем появляются образцовые тексты (которые позже будут признанными классическими в национальной традиции). Так, основные черты нового русского ЛЯ («языка Пушкина») были представлены уже в грамматике Ломоносова (1755) и в Словаре Академии (1789-1794); в грамматиках пушкинской поры (Греча, Востокова) не понадобилось «революционных» изменений: в главных чертах это был «тот же» язык. Сходные временные соотношения между временем кодификации ЛЯ и временем создания на этом языке знаменитых произведений, репрезентирующих новый узус (т.е. когда кодификация опережает классиков или совпадает с ними по времени), имеют место в истории чешского, польского, словенского, верхнелужицкого, словацкого и, в меньшей мере, болгарского ЛЯ. Что касается сербскохорватского языка, то Вук Караджич выступил и как кодификатор нового ЛЯ, и как издатель (а также переводчик и отчасти автор) репрезентативных текстов; но тексты, ставшие классическими образцами поэзии на новом ЛЯ, были созданы после его кодификации. В тех языках, где литературный узус складывался впервые (македонский) или непосредственно после перерыва в традиции (современные украинский и белорусский ЛЯ), кодификация происходит после создания репрезентативных образцов нового ЛЯ.

3.2. О причинах разногласий в оценках «традиционности» ЛЯ. В типологии ЛЯ «степень традиционности» – это, по-видимому, самый дискуссионный из параметров. Во всяком случае, ни о каком другом ДП не высказывалось столько противоположных суждений.

Так, Н.С. Трубецкой писал о словенском ЛЯ как о языке, который сформировался «без всякого примыкания к какой-либо старой традиции» (Трубецкой [1927] 1990, 137), между тем современный австрийский исследователь считает, что для словенского языка после 1550 г. характерно «континуирующее развитие» (Neweklowsky 2002, 18), а мнения словенских авторов расходятся (см. Vidovič-Muha 1998, 21). Трубецкой, характеризуя отношение сербскохорватского ЛЯ языка к предшествующей традиции, писал, что этот ЛЯ «возник ex abrupto на основе простонародного говора» (Трубецкой [1927] 1990, № 2, 136), однако в реальности реформам Караджича предшествовало по меньшей мере столетие литературно-стилистических поисков и дискуссий, и он, при всем своем радикализме, объективно зависел от опыта XVIII в. (см. Толстой [1978 – 1979] 1998; Ивић 1998). Для большинства авторов история русского ЛЯ – это самый яркий в Славии случай долгой и

непрерывной традиции, однако А.В. Исаченко доказывал, что после языковых реформ Петра I у русских появился новый ЛЯ – не церковнославянский, но собственно русский (Issatschenko 1975).

Конечно, богатство культуры создается традицией, поэтому по-человечески понятны мотивы, по которым историки разных языков, если и не обходят молчанием эти «паузы» (или «лакуны») в «поступательном» развитии ЛЯ, то говорят о них как бы неохотно, подбирая эвфемизмы и перифразы - *глубокая цезура* (А.В. Исаченко), *занапад* (Жураўскі 1967), *ослабление, замирание* и даже *втомленность* (Русанівський 2001, 125), попутно сокращая продолжительность этих десятилетий «усталости» или «упадка»¹³. Понятно, что имеет место и объективная сложность вопроса, поскольку «абсолютных» разрывов и «полного» молчания в истории ЛЯ нет или почти нет¹⁴. При ближайшем рассмотрении почти всегда отыщется памятник, который позволит говорить о преемственности двух периодов в истории ЛЯ. Чтобы увидеть «щезуры» и оценить их глубину, нужна достаточно обобщенная картина разных эпох в истории одной традиции и соизмеримость разных традиций и эпох, иначе говоря, нужно единство и известная абстрактность параметров, – это и будет типологический взгляд на историю ЛЯ. Так, применительно к истории польского ЛЯ не приходится говорить хотя бы о трех десятилетиях «полного молчания». Однако при более крупном масштабе исторической картины период релевантного ослабления традиции становится заметен. Приведу любопытный случай «стихийного» решения вопроса о том, были ли перерыв в истории польского ЛЯ.

«Энциклопедия польского языка» (Encyklopedia 1994) помещает 24 снимка, на которых представлены наиболее значительные памятники польского языка, относящиеся

¹³ Ср. у историков польского ЛЯ: «Przejawy społecznego, politycznego, oświatowego застоju i wsteczności w życiu polskim XVII w., a zwłaszcza pierwszej połowy XVIII w., nie pobudzały wzrostu potencjału językowego» (Klemensiewicz 1965, 250–251); «Doba średniopolska w dziejach jęz. pol. nie przedstawia się jako linia ciągłego rozwoju. Od połowy XVII w. obserwujemy pewne niekorzystne zmiany» (Reczek 1994, 116).

¹⁴ Исключение, по-видимому, составляет XVIII в. в истории белорусского ЛЯ, когда он вытесняется даже из частного письменного обихода: дневники, воспоминания, «записки для себя» пишут по-польски или по-русски (в последнем случае их авторы — это русские чиновники, переведенные на службу в новые губернии Империи). Так, в корпусе мемуарной литературы, исследованной А.И. Мальдзисом (около 200 источников XVIII – начала XIX в.), оказался только один памятник, написанный на украинско-белорусском языке, — воспоминания киевского бурсака (Мальдзіс 1982, 30 – 33). Что касается украинской культуры, то о полном замирании ее письменно-литературной традиции в XVIII в. не позволяют говорить сочинения Григория Сковороды на новоцерковнославянском языке украинского извода. Несмотря на то, что произведения Сковороды в свое время распространялись исключительно в рукописях, влияние его идей и языка на украинское сознание было значительным.

к разным этапам его истории, при этом в конце книги дан хронологический список иллюстраций (т.е. как бы хронологическая таблица важнейших событий в истории польского языка). В этом списке, за единственным исключением, временной интервал между следующими друг за другом памятниками не превышает 35 лет. Исключение одно: трехязычный словарь Г. Кнапского (1632) и грамматика О. Копчиньского (1780) разделены дистанцией почти в 150 лет. Это и есть время «перерыва» или «ослабления» традиции.

3.3. Четыре ключевых даты в истории письменной культуры народа. Для реалистических представлений о «возрасте» современного ЛЯ и степени его традиционности необходимо терминологическое разграничение следующих феноменов в истории письменной коммуникации народа.

3.3.1. Начало использования письменности на территории современного народа: применительно к Славии в большинстве случаев речь идет о предках современного этноса, который при этом мог называться иначе, иногда с помощью общего этнонима применительно к общему этносу-«предку» в будущем разных этносов (например, *славяне* или *русь*). У западных и восточных славян письменная традиция начиналась и некоторое время продолжалась на неродных надэтнических языках (в том числе и на языках генетически достаточно далеких, как латынь или немецкий). Памятники такого происхождения, являясь фактом культуры народа, тем не менее не могут считаться памятниками этнического языка (как написанная на латыни «Chronica Boemorum» («Чешская хроника») каноника и потом декана капитулы св. Вита Козьмы (Kozmas) Пражского начала XII в.) по отношению к чешскому языку, или как копия церковнославянского «Изборника» болгарского царя Симеона, снятая для киевского князя Святослава (и вошедшая в историю как «Изборник Святослава» 1073 г.), по отношению к украинскому или русскому языкам. Это разграничение сложно в случаях близкого родства надэтнического и этнических языков – именно в ситуации Slavia Orthodoxa (причем, для южных славян сложнее, чем для восточных). Церковнославянский язык в Московской Руси воспринимался как «свой» язык, только «высокий» и «должный» в маркированных ситуациях, однако это не делает его этническим русским языком. Напомню слова В.В. Виноградова, которыми начинаются его знаменитые «Очерки»: «Русским литературным языком средневековья был язык церковнославянский» (Виноградов [1934, 1938] 1972, 10).

3.3.2. Первые памятники на языке конкретных этносов необходимо отличать от первых памятников на собственно этнических языках (например, памятник древнерусского языка «Слово о полку Игореве» не является памятником собственно русского, или белорусского, или украинского языков). Ключ к решению проблемы лежит в обращении к сохранившимся фактам метаязыковой рефлексии

носителей языков. Релевантны два рода метаязыковых свидетельств: во-первых, лингвонимы и этнонимы памятников, поскольку надо убедиться в том, что люди, писавшие текст, называли свой язык иначе, чем язык соседних родственных этносов, и при этом «своим» отдельным именем (ср. Мечковская 1989); во-вторых, факты перевода текста не просто для «понятности», а с теми или иными метаязыковыми целями (продемонстрировать «лучший» способ языкового выражения, показать наддиалектную речь и т.п.).

Учет метаязыковой рефлексии создателей текста имеет решающее значение для этноязыковой атрибуции текста в условиях близкородственного двуязычия (восточнославянская, чешско-словацкая, болгаро-македонская ситуации), тем более при диглоссии, когда церковнославянский язык осознается как «свой» «высокий» язык стиль. В отличие от историков «структуры» языка (т.е. исследователей истории его фонетики-фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики), которых всегда занимало время появления в памятниках индивидуальных черт языка (например, различающих украинский и русский языки, или характерных только для белорусского). Историк ЛЯ не может отсчитывать начало этнического ЛЯ от того памятника, в котором впервые представлены индивидуальные особенности языка. История ЛЯ начинается там, где автор или переводчик эксплицитно противопоставляет свой этнический язык (на котором он пишет) языку, который он вполне понимает, но отличает от «своего». Так, началом украинского ЛЯ является Евангелие, написанное не на церковнославянском (как прежде в украинских землях), а на украинском языке (*Пересопницьке Євангеліє*, перевод 1551-1561 гг.). Началом белорусско-украинского канцелярского языка (который в памятниках своего времени фигурирует как *прбста*, или *руска мова*) является Статут Великого княжества Литовского, поскольку здесь (в редакциях 1566 и 1588 гг.) сформулировано установление, свидетельствующее о том, что создатели Статута отличали *прбсту мову* от польского и церковнославянского¹⁵. Начало русского ЛЯ следует датировать 1683 г. — временем, когда в Москве переводчик Посольского приказа Авраамий Фирсов перевел с польского на русский (а не церковнославянский) Псалтырь.

3.3.3. Первые памятники литературного этнического языка необходимо отличать от первых памятников «просто» письменности на этом языке. Феномен «литературности» (нормированности) создается наличием у говорящих «языкового идеала» (А.М. Пешковский), т.е. представлений о «должном» в речи, об образцовом употреблении языка и заботе о том, чтобы писать или говорить не «как попало» (лишь бы адресат/собеседник понял), но соблюдая какие-то правила, иначе говоря, соотнося свою речь с имеющимся в сознании «языковым идеалом». Что касается заботы о выразительности и эстетической действительности создаваемого текста, то они свидетельствуют о наличии не «языкового идеала»,

¹⁵ «А писарь земський маєть поруску литерами и словы рускими вси листы выписы и позвы писати, а не иньшимъ езыхомъ и словы» (Цит. по факсимильному воспроизведению памятника в издании: Статут 1989, 140).

а представлений о художественно-выразительном узусе своего времени (т.е. относятся к семиотике более высокого порядка, нежели язык, – к семиотике словесного искусства).

3.3.4. Время первой кодификации современного этнического ЛЯ, т.е. время первых практических грамматик, а также словарей, созданных для носителей языка (не для иностранцев) и не в исследовательских целях (как «Грамматика малороссийского наречия» А.П. Павловского (СПб., 1818)).

3.4. Хронологическая таблица. Основные даты в истории письменно-литературных традиций, значимые для социальной типологии славянских языков. В следующей ниже хронологической таблице представлены даты, позволяющие характеризовать современные (новые) ЛЯ Славии с точки зрения их возраста и меры традиционности. Языки ранжированы по «возрасту» их современных стандартов (т.е. по хронологии, представленной в третьем столбце). События, связанные с указанными датами, эксплицированы в разделе 4 (по отдельным языкам в подразделах 4.1. – 4.12., номера которых коррелируют с номерами соответствующих строк в таблице 3).

4. Экспликация событий, представленных в хронологической таблице

4.1. Русский язык. 1а) Начало письменной традиции (на церковнославянском языке) связано с крещением Древней (Киевской) Руси (988 г.); первый датированный письменный памятник, созданный на территории современного русского народа – список церковнославянского Евангелия («Остромирово Евангелие» 1056–1057 гг.); 1б) рукописный перевод Псалтыри Авраамия Фирсова (1683); 2) 1720-е–1740-е гг.: ослабление традиции и несформированность нового узуса ЛЯ; 3) «Бедная Лиза» Карамзина (1792), «История государства Российского» Карамзина (1816–1829), басни Крылова 1806–1834 гг., сочинения Пушкина 1814–1836 гг., «Горе от ума» Грибоедова (1822–1824; опубликовано в 1825, полностью – в 1833; постановки 1827, 1829, 1831); 4) «Российская грамматика» Ломоносова (1755), Словарь Академии Российской (1789–1794), «Практическая русская грамматика» Н.И. Греча (1827; «Начальные правила русской грамматики» (1828; многократные переиздания под заглавием «Краткий курс русской грамматики» до 60-х гг. XIX в.); две грамматики русского языка («Пространная» и «Краткая») А.Х. Востокова (1831).

4.2. Польский язык. 1а) Начало письменной традиции (на латинском языке) связано с крещением (966 г.); до XIV в. в польской письменной культуре использовалась латынь; б) сохранившийся ранний памятник на этническом языке «Kazania świętokrzyskie» (1-ая половина XIV в.); 2) не разрыв, но ослабление традиции с середины XVII в. до 70-х гг. XVIII в.;

Таблица 3. Основные даты в истории письменно-литературных традиций, значимые для социолингвистической типологии славянских языков

	Языки	а) Начало письменности на территории современного народа; б) начало этнического ЛЯ	Время перерыва в развитии письменно-литературной традиции этнического ЛЯ (или ее релевантного ослабления)	Время создания текстов, в которых представлен узус современного этнического ЛЯ	Время первой кодификации современного этнического ЛЯ
		1	2	3	4
1	Русский	а) с 988 г.; б) 1683 г.	1720-е – 1740-е гг.	1792 – 1830-е гг.	1755, 1827 г.
2	Польский	а) с 966 г.; б) перв. пол. XIV в.	сер. XVII в. – 1770-е гг.	1820-е гг.	1778, 1780, 1781, 1817 г.
3	Украинский	а) с 988 г.; б) 1798 г.	сер. XVII – кон. XVIII вв.	1798, 1810 – 1820-е гг.	а) 1830 – 1840-е гг.; б) 1906-1913 г.
4	Чешский	а) с 874 г.; б) XIII в.	1627 г. – 1790-е гг.	1830-е – 1840-е гг.	1809, 1817, 1835 – 1839 г.
5	Белорусский	а) с 988 г., б) 1816 – 1828 гг.	сер. XVII в. – 1820-е гг.	1820 – 1890-е гг.	1918 г.
6	Словенский	а) IX в. (на латыни), ок. 1000 г. на словенском; б) 1780-е гг.	1000 – 1500 гг.	1830-е гг.	1809, 1824, 1825 г.
7	Сербо-лужицкие	а) с VIII в.; б) нижн.л. 1548, 1574 г.; верхн.л. 1597, 1627 г.	—	1830 – 1870-е гг.	1830 г.
8	Словацкий	а) с 874 г.; б) с сер. XVIII в.	—	1844 – 1845 г.	1846 г.
9	Сербский	а) с 870 г.; б) 1800-е гг.	XV – XVII вв.	1840-е – 1860-е гг.	1820 – 1860 гг.
10	Хорватский	а) с 865 г.; б) 1830-е – 1850-е гг.	кон. XVI – нач. XVIII вв.	1840-е – 1860-е гг.	1850 – 1880 гг.
11	Болгарский	а) с 865 г.; б) 1760-е гг.	кон. XIV – нач. XVII вв.	1850-е – 1860-е гг.	1850 – 1870 гг.
12	Македонский	а) с 865 г.; б) кон. 1840-х гг.	от ? – до 1840-х гг.	1850-е – 1890-е гг.	1946 – 1950 гг.

3) поэзия Мицкевича (20-е гг. XIX в.), которая, однако, возникает не непосредственно после упадка или ослабления, но после примерно полувековой непосредственно предшествующей литературно-стилистической традиции (но при этом отгалкиваясь от нее); 4) «Gramatyka dla szkół pańdowuch» (t.1–3) Онуфрия Копчиньского (1778, 1780, 1781), ряд переизданий до 1839 г.; его же «Gramatyka języka polskiego» (1817).

4.3. Украинский язык. 1а) Церковнославянская письменность от времени крещения Древней Руси (988); первый датированный письменный памятник, созданный на территории современного украинского народа, — список церковнославянского «Изборника» царя Симеона («Изборник Святослава» 1073 г.). В 1556-1561 гг. на Волини создается рукописное «Пересопницьке Євангеліє» (Четвероєвангеліє), переведенное на *прбсту*, или *руску мову*, т.е. на литературный язык, еще общий у украинцев и белорусов, однако это не собственно украинский («отдельный») литературный язык)¹⁶; 1б) бурлескная поэма "Енеїда" Ивана Котляревського (Санкт-Петербург, 1798); 2) сер. XVII—конец XVIII вв.: перерыв традиции; 3а) Надднепровская Украина: "Енеїда" (1798), "Наталка Полтавка" (1819), "Москаль-чарівник" (1819) Ивана Котляревського; «Кобзарь» Тараса Шевченко (1840), 3б) западная («правобережная», или «австрийская» и «угорская») Украина: катехизис Ивана Могильницького (Львов, 1817, 1827); альманах «Русалка Дністровая» (1836) Маркияна Шашкевича, Ивана Вагилевича и Якова Головацького; 4а) Правобережная Украина: рукописная «Грамматика языка славено-русского» Ивана Могильницького (1820-1822); печатные грамматик: на латыни «Grammatica Slavo-ruthena [...]» Михаила Лучкая (Будапешт, 1830), на немецком Йосифа Левицького (Львов 1834) и западноукраинском (Перемышль, 1849), «Грамматика Мало-русского языка» Ивана Вагилевича (Львов, 1844), «Грамматика малорусского языка для шкіл парафіальних в Галиції» Т.Глинського (1845), на польском Йосифа Лозинського (W Przemyślu, 1846), на западноукраинском Якова Головацького (Львов, 1849); 4б) В надднепровской Украине: «Абетка» [азбука] Пантелеймона Кулиша (1857), «Коротка граматика української мови» Петра Залозного (ч.1-2, 1906-1913); «Коротка граматика для школи» и «Українська граматика для школи» Григорія Шерстюка (ч.1-2, 1907-1909).

¹⁶ *Прбсту*, или *руску мову* XVI-XVII вв. исследователи в современной Украине обычно называют *староукраїнською мовою*, а в Беларуси — *старобеларускай*, при этом памятники разграничивают по территориям их создания или/и биографиям создателей. Однако по отношению к реальности XVI-XVII вв. такое разграничение литературных языков является модернизацией, анахронизмом: судя по лингвонимам и этнонимам, в сознании писавших на *прбстой мове* разделение украинского и белорусского языков еще отсутствовало.

4.4. Чешский язык. 1а) Старославянская письменность от крещения чехов (874–885) не удержалась в Моравии и Чехии и после изгнания из Моравии учеников Кирилла и Мефодия сменилась письменностью на латинском языке; ранние датированные чешские памятники: на латыни – «Chronica Boemorum» Козьмы Пражского (не позже 1125 г.); 1б) на старочешском (общем для чехов и словаков) – «Похвала Св. Вацлаву» (XIII в.), стихотворная «Далимилова Хроника» (нач. XIV в.), стихотворная «Александрия»; старочешская традиция достигает вершины в XVI – нач. XVII вв.; 2) с 1627 г. до 1790-х гг. перерыв традиции; в образовании и культуре господствует немецкий язык; 3) 30-40-е гг. XIX в. философско-романтическая поэзия (Карел Гинек Маха), перевод Йозефом Юнгманом поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» (оказавший значительное влияние на формирование чешского стихотворного языка, см. Вау 1969, 437); публицистика и сатира Карела Гавличка; 4) грамматика Йозефа Добровского ("Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache", 1809, 2-е изд. 1817); 5-томный чешско-немецкий словарь (1835–1839) Йозефа Юнгмана.

4.5. Белорусский язык. 1а) Церковнославянская письменность от времени крещения Древней Руси (988); первыми датированными письменными памятниками, созданными на территории современного белорусского народа, являются сочинения на церковнославянском языке Кирилла епископа Туровского (XII в.). В 1562 г. в Несвиже был напечатан Малый Катехизис Лютера в переводе Сымона Будного; в 1566 г. печатается Статут Великого княжества Литовского (две редакции 1566 и 1588 гг.); в 1570-е гг. издается печатное Евангелие от Матфея в переводе Василя Тяпинского (диглотта на церковнославянском и *простой мове*), однако, в той же мере, в какой созданное на Волыни «Пересопницьке Евангеліє» является памятником украинско-белорусского ЛЯ (см. раздел 2.3.), так и перечисленные книги, созданные на белорусской территории, являются памятниками общего ЛЯ двух восточнославянских народов; первым памятником собственно белорусского ЛЯ была анонимная бурлескная поэма "Энеїда навыварат" (между 1816 и 1828 г.; первая публикация в Санкт-Петербурге в 1845 г.); 2) перерыв в традиции с середины XVII в. – примерно до 1820-х гг.; 3) анонимные поэмы "Энеїда навыварат" (см. выше) и «Тарас на Парнасе» (50-е гг. XIX в., первая публикация в 1889 г.); комическая опера "Sialanka" Винцента Дунина-Марцинкевича (1846); поэтические сборники Франтишка Багушевича (1890-ые гг.); 4) "Biełaruski elementar abo Pierszaja nawuka czytańnia" Каруся Каганца (Pieciarburh, 1906) [букварь в двух графических версиях – на латинке и гражданке]; 1918 г.: «Беларуская граматыка для школ» (в двух графических версиях – латинке и гражданке) Бронислава Тарашкевича (Вильня, 1918).

4.6. Словенский язык. 1а) Письменность на латинском языке от времени крещения (IX в.); 1б) ок. 1000 г.: рукопись на древнесловенском языке («Brižinski spomeniki»); в формировании этнического языка в 1-й половине XIX в. преобладали процессы интеграции диалектов (а не обособления от другого славянского языка); 2) 1000 – 1550 гг. – обрыв словенской письменной традиции до начала Реформации (1550-е гг.), используются латынь и немецкий язык; за 50 лет протестантской активности издано около 50 книг на словенском языке, в том числе словенский перевод всей Библии Юрия Далматина (1584) и первая грамматика словенского языка Адама Бохорича (1584)¹⁷; в XVII в. словенская письменнo-литературная традиция утратила интенсивность десятилетий Реформации и ослабла, но отнюдь не прекратилась, а в XVIII в. вновь активизировалась; 3) новый ЛЯ, подготовленный поэзией Валентина Водника, его газетой «Lublanske Novize» (1797-1799), его учебными словарями, грамматикой и хрестоматией (времен Иллирийских провинций), представлен в романтической поэзии Франце Прешерна (30-е гг. XIX в.); 4) грамматика Варфоломея (Ернея) Копитара (*Kopitar J. Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark. Laibach, 1809*), Петра Дайнко (1824), Ф.Метелко (1825), также и на немецком языке. Однако лингвоним *slovenski* в заглавиях грамматик и словарей появляется только в 1850-х гг.¹⁸.

4.7. Верхне- и нижнелужицкие языки. 1а) Христианство, а с ним и письменность на латыни и немецком языках с VIII – IX вв.; 1б) письменность на этническом языке с началом Реформации: 1548 г. – нижнелужицкий печатный перевод Нового Завета Н. Якубица; 1574 г. – нижнелужицкий печатный Малый Катехизис Лютера (перевод А.Моллера), с приложением церковных песен и календаря; 1597 г. – Лютеровский Малый Катехизис в переводе на верхнелужицкий Вацлава Варихия; 1627 г. – грамматика верхнелужицкого языка; 2) непрерывная традиция религиозной и словарно-грамматической литературы; 3) 1841-1843 гг.: Я.И. Смолер издал два тома «Песен верхних и нижних лужичан»; 1842-1847 гг. Я.П. Йордан издает еженедельник «Jutnička» («Денница»); 40-50-е гг. –

¹⁷ Представленный в грамматике язык Бохорич называет *Latinocarniolana literatura*, т.е. 'Латинско-крайская письменность'.

¹⁸ У Дайнко язык назван *windische Sprache*, у Метелко, как и у Копитара, - описательно-географически: *slovenische Sprache im Königreiche Illyrien und in den benachbarten Provinzen*. По данным Ф. Кидрича, этноним *slovenec, slovenka* был заимствован в начале XIX в. из чешского языка – первоначально, чтобы отличать крайских славян от хорватов, и чтобы вытеснить из немецкого словоупотребления старые, казавшиеся пейоративными имена *Windischer, windische Sprache* (Kidrič 1938, 722). В названиях словарей и грамматик лингвоним *slovenski* появляется у А. Янежича («*Slovar slovenskega in nemškega jezika*», 1850 – 1851) и в его грамматике 1854 г. (Toporišč 1992, 71-72).

поэзия и еженедельная газета Гандрия Зейлера (H. Zeiler); 4) 1830 г. – грамматика верхнелужицкого языка Г. Зейлера.

4.8. Словацкий язык. 1а) Старославянская письменность, как и у чехов, использовалась недолгое время после крещения (874), однако не удержалась и сменилась письменностью на латыни, потом на чешском и отчасти венгерском языках; 1б) словацкие тексты, сознательно противопоставленные чешским, распространяются у католиков с середины XVIII в.; их филологическая защита и кодификация складывающегося узуса представлена в трудах Антона Бернолака, в том числе в его написанной на латыни грамматике (*Bernoldák A. Grammatica slavica. Posonpii, 1790*); 2) перерыва в развитии письменно-литературной традиции нет; 3) 1844 г.: стихи Яна Францисци, 2-й том альманаха «Nitra» (его 1-й том был напечатан еще по-чешски; см. Смирнов 1978, 132-134); 1845 г.: первая газета с литературным приложением; 4) 1846: Людевит Штур кодифицирует словацкое письмо в книге "Nárečja slovenskuo alebo potreba písanja v tomto nárečí" (1846) и в том же году печатает грамматику словацкого языка «Nauka reči slovenskej» (1846).

4.9. Сербский язык. 1а) С 870-х гг. (годы крещения сербов) кирилло-мефодиевская литература; традиция продолжается (с разрывом) до XVIII в., при этом церковнославянский воспринимается как «свой» книжно-письменный язык; важнейшие памятники: глаголическая Воцанская надпись, грамота правителя Боснии Кулина (конец XII или XIII в.); «Душанов законик» (Кодекс царя Душана, XIV в.), «Житие деспота Стефана Лазаревича» Константина Философа (XIV в.); 1б) начало сербского ЛЯ (противопоставленного славяносербскому) приходится на первые годы XIX в.; ср. диагностический лингвоним в названии учебника Павле Соларича: «Ново гражданско Земљописаније перво на језику Сербском» (1804)¹⁹; 2) XV – XVII вв. – перерыв в традиции из-за Османского завоевания²⁰; XVIII в. – славяносербская книжность на языке, который сложился под прямым русским влиянием (в Сербии этот язык называли *рускословенским*) и в течение XVIII в. постепенно сближался с народным языком, освобождаясь от церковнославянизмов и русизмов;

¹⁹ Новый лингвоним (как концентрированное выражение языкового сознания) даже несколько запаздывает по отношению к процессу эмансипации сербского от славяносербского): в 1776 г. Захария Орфелин издает учебное пособие по письму гражданской кириллицей, однако в названии значится еще старый лингвоним: «Новјејши славјански прописи»; первая сербская газета, которую с 1792 г. стали печатать гражданкой, называлась еще также по-старому: «Славено-сербскије вједомости» (см. подробно Ивић 1998, 148 – 149, 160 – 161).

²⁰ Г. Невекловский считает церковнославянскую традицию у сербов непрерывной до XVIII в. (Невекловский 2001).

3) издания Вука Караджича: «Сербские народные сказки» (1821), «Сербские народные песни» (кн.1 – 4; 1823–1833); «Сербские народные пословицы» (1836; 2-е издание 1849); перевод Нового Завета (1847, 2-ая редакция 1857); драматическая поэма Петра Негоша «Горски вијенац» (1847), поэзия Бранко Радичевича (40-е – 50-е гг.), Йована Змайа-Йовановича (60-е гг.); 4) грамматика Караджича «Писменица сербского језика» (Вена, 1814; 2-ая редакция грамматики опубликована в приложении к его сербско-немецко-латинскому словарю 1818 г.; 1852 г. – 2-е издание словаря), которая, впрочем, официально и де факто была принята только после 50-х гг. XIX в.

4.10. Хорватский язык. 1а) Конец IX в.: крещение и кирилло-мефодиевская традиция, принесенная из Моравии учениками Кирилла и Мефодия (в ее глаголяшском варианте сохранялась до XX в.); «Летопись попа Дукляна» (сер. XII в.); 1б) начало собственно хорватского ЛЯ (1850-е гг.) определяется его отделением от «иллирийского» языка, который сознательно создавался в качестве общего ЛЯ для хорватов, сербов и словенцев (в инициированном хорватами движении иллиризма 1835–1848 гг. во главе с Людевитом Гаем)²¹. Фактически «иллирийский язык» совпадал с формирующимся узусом хорватского ЛЯ; лингвоним *horvatski* представлен в названии брошюры Л. Гаю "Kratka osnova horvatsko-slavenskoga pravopisaња" (1830), правда, в соединении со *slovenskim*; лингвоним *ilirski* фигурировал в Хорватии как «свой» еще в 1850-х гг. (ср. в названиях грамматик Векослава Бабукича «Osnova slovnice slavjanske porečja ilirskog» (1836), «Ilirska slovnica» (1854)), однако после грамматики Антуна Мажуранича «Slovnica Hèrvatska» (1859) укрепляется индивидуальный лингвоним (Vince 1990, 236, 312); 2) конец XVI – начало XVIII в.: перерыв традиции, вызванный Османским игом; 3) 1840-е–1860-е гг.: пьесы и поэмы Димитрие Деметера, поэзия Петара Прерадовича, Ивана Мажуранича; 1858–1861 гг.: 12-томная Загребская Библия (в переводе и с толкованиями Ивана М. Шкарича, см. Vince 1990, 392–395); 4) Književni dogovor (Вена, 1850): соглашение хорватов и сербов о создании общего сербскохорватского ЛЯ в двух произносительных и графико-орфографических вариантах (хорватском и сербском); пособия по правописанию и грамматике Антуна Мажуранича (1850-х гг.), Марцеля Кушара 1870–1880-х гг.

4.11. Болгарский язык. 1а) С 865 г. (год крещения болгар) кирилло-мефодиевская литература, достигшая расцвета во времена Первого Болгарского царства (1018–1187); 1б) этнический староболгарский ЛЯ (общий

²¹ После Венского конгресса (1815) словенцы отнюдь не принимали объединительную идеологию иллиризма: из знаменитых словенцев иллиризму сочувствовал только В. Копитар (впрочем, живший в Вене); против иллиризма вполне определенно выступал Ф. Прешерн (см. подробно Peire 1939).

для болгар и македонцев) формировался в противопоставлении церковно-славянскому и в функциональном соперничестве с греческим (с 1760-х гг.: «История славеноболгарская» (1762) Паисия Хилендарского; «Рибен буквар» (1824) Петра Берона и др.); 2) с конца XIV в., вследствие турецкого завоевания, традиция нарушается до начала XVII в.; в XVII в. на основе новоболгарских диалектов развивается домаскинарская литература; 3) 1840 – перевод Нового Завета (Неофитом Рильским); 1845 г. – первая газета и 1846 г. – первый журнал («Любословие»); современный ЛЯ складывается в 50-60-е гг. XIX в., на основе уже восточных диалектов (творчество Петко Славейкова, Любена Каравелова, Христо Ботева); 4) базовая кодификация в грамматиках Ив. Богорова (1844), Й. Груева (1858), Ив. Мочилова (1868).

4.12. Македонский язык. 1а) Македонские филологи, в отличие от болгарских, не пишут о преемственности македонского ЛЯ по отношению к старославянскому, хотя генетически язык кирилло-мефодиевских переводов был ближе всего именно к македонско-болгарским диалектам того времени и, как писал Н.С. Трубецкой, «в Македонии староцерковно-славянский язык еще долго сохранял довольно хорошо свой первоначальный облик» (Трубецкой [1927] 1990, № 2, 128); 1б) этнический македонский ЛЯ: переводы «Любушиного суда» из «Краледворской рукописи» на македонский язык К. Дмитриева-Петковича и Райко Ксенофонта Жинзифова (середина XIX в.), в которых метаязыковая рефлексия выражается в стремлении создать македонский интердиалект (см. публикации переводов в работе Толстой [1965] 1998); 2) многовековой перерыв традиции вследствие Османского ига до 1850-х гг.; 3) во 2-й половине XIX в. учебники для средних школ; 4) 1903 г.: Крсте Мисиков в своей книге «За македонските работи» (София), в статье «Неколку зборои за македонскиот литературен јазик», предлагает в основу ЛЯ положить центральные говоры (Видоески 1953, 80); 2 августа 1944 г. македонский язык провозглашен официальным языком Республики Македонии; 1946: Кепески Круме, Македонска граматика (Скопје; 2-е изд. 1947; 3-е 1950); 1950: Конески Блаже и Крум Тошев, Македонски правопис со правописен речник (Скопје).

4.13. Интегральная группировка славянских ЛЯ, соединяющая параметры «возраста» ЛЯ и степени его традиционности. В интегральной хронологической характеристике современного ЛЯ, построенной с учетом его «возраста» и степени традиционности, необходимо принять во внимание хронологические рамки перерыва или ослабления традиции по отношению к современному (новому) ЛЯ. Чем более отдален этот неблагоприятный период от современного ЛЯ (как в истории словенского языка), тем выше традиционность современного ЛЯ. Напротив, чем ближе

период перерыва или упадка к современному ЛЯ (как в истории нового украинского и особенно белорусского ЛЯ, формирование которых происходит непосредственно после длительного перерыва традиции), тем слабее традиция. Отдаленность или близость периода перерыва (или замирания) традиции к новому ЛЯ сказывается на характере ЛЯ больше, чем сама по себе продолжительность периода упадка. В частности, украинский и особенно белорусский ЛЯ связаны со своей традицией относительно более слабо, чем польский или словенский ЛЯ.

Важна, однако, не только хронология «паузы». Важна сила традиции, ее притягательность для новых поколений. В конце концов именно притягательность добелогорской чешской культуры обусловила реставрацию ее языка и привела к тому, что, несмотря на паузу длиной более полутора столетий, чешский язык оказался самым «традиционным» из ЛЯ Славии. В силу особого отношения болгар к церковнославянскому языку²², болгарский ЛЯ в большей мере, чем сербский, сохраняет преемственность с церковнославянским языком.

С учетом степени традиционности ЛЯ Славии можно предложить их следующую группировку:

Группа А (максимальная традиционность): А1) чешский (по «возрасту» это «молодой» язык, но в силу искусственной архаизации по своей материально-языковой фактуре он как бы старше времени своего создания); А2) русский; А3) польский²³; А4) словенский; А5) верхнелужицкий.

Группа Б: Б1) болгарский; Б2) вуковский сербскохорватский по отношению к сербскому языку XVIII – начала XIX вв., Б3) хорватосербский по отношению к предшествовавшей иллирийско-хорватской традиции.

Группа В (минимальная традиционность): В1) словацкий; В2) украинский; В3) белорусский; В4) македонский.

²² Для интеллигентского болгарского сознания это не «надэтнический» язык, а древнеболгарский, поэтому во 2-й половине XIX в., в спорах об общеполгарском ЛЯ, сторонники разных моделей кодификации всегда признавали «арбитражные функции» церковнославянского (см. подробно Венедиктов 1978, 266 и далее).

²³ Согласно классификации Н.И. Толстого, русский, чешский и польский языки (именно в такой последовательности) образуют один тип славянских литературных языков с непрерывной традицией, что в свою очередь обуславливает незначительную зависимость литературного языка от диалектов и их относительную закрытость для диалектного влияния. Для остальных литературных языков Славии характерен «разрыв с традицией либо ее отсутствие или неприятие ее из другого источника» и, как следствие, – «прочная связь с диалектной базой» и «открытость» для диалектного влияния (Толстой [1968] 1988, 25).

5. Заключение. В какой мере социальные судьбы славянских языков были обусловлены различиями в их генеалогии и диалектных ландшафтах?

5.1. Социокультурные параметры языков, рассмотренные в качестве диахронических факторов, обусловивших «судьбы» и «характеры» языков, характеризуются разным весом и разными векторами. Переплетаясь в реальной истории, они иногда ослабляли, иногда усиливали друг друга. Например, при глубине диалектных различий в ареале хорватского языка можно было бы ожидать, что его стандартный язык, в силу необходимой для ЛЯ наддиалектности, должен от своих диалектов отстоять далеко. Однако «возраст» и мера традиционности хорватского ЛЯ как бы сократили эту дистанцию: в силу «молодости» и «демократизма», хорватский стандартный язык, в том числе обиходная речь интеллигенции, легко и широко включает в себя диалектизмы – без них «теплая и интимная» речь кажется невозможной.

5.2. Языковая политика (обусловленная в конечном счете национально-государственными, геополитическими интересами) оказывается решающей силой в судьбах языков. Так, новые украинский и белорусский ЛЯ по времени появления на них привлекательных литературных произведений (первые десятилетия XIX в.) не «моложе», чем ставшие национальной классикой образцы современных чешского, хорватского или болгарского ЛЯ. Однако в силу политических причин до 1906 – 1928 гг., и затем до 1987 г., развитие белорусского и украинского языков было искусственно и катастрофически заморожено.

5.3. В ряду имманентных и объективных диахронических факторов, определявших «судьбы» и «характеры» славянских языков, существенную роль играли генеалогические связи языков, в том числе и с языками за пределами Славии. Так, время формирования письменного этнического языка зависело от генеалогической близости надэтнического языка (старославянского или латыни) к народному языку в конкретном ареале. В силу логики самосохранения этноса, словенцы и западные славяне были вынуждены отказаться от письменности на латыни, а также на немецком языке, и вырабатывать свою письменность значительно раньше, чем народы *Slavia Orthodoxa* пришли к замене церковнославянского языка письменностью на этнических языках. В украинской и белорусской культурах Евангелия не на церковнославянском, а на народном языке появляются в 1560-х–1570-х гг.; в России народный ЛЯ санкционирует Петровская реформа письма 1708–1710 гг., но сербы и болгары еще весь XVIII в. ищут способы удержания в культуре «славянского» языка. Чем больше церковнославянский язык был «своим» и «органичным» в культуре народа, тем позже складывался литературный язык на народной основе.

Однако и в данном случае «имманентный» фактор языкового родства перешлетается с обстоятельствами внешними, социально-политическими: русский язык XVI в. по своей материально-языковой фактуре не был более близок к церковнославянскому, чем украинский и белорусский. Однако после падения Византии и турецкого завоевания Балкан Московское государство (с его идеологией "Москва – третий Рим") и русское православие оказались главными хранителями церковнославянской книжной культуры. Как писал Н.С. Трубецкой, «церковнославянская литературно-языковая традиция утвердилась и развилась в России не столько потому, что была *славянской*, сколько потому, что была *церковной*» (Трубецкой [1927] 1990, № 3, 132–134).

«Родословная» славянских языков, их географическое взаиморасположение и собственные диалектные ландшафты выступают как те объективные, не зависящие от человека условия «времени и места», в которых развертывается вполне человеческая по своему драматизму история – социокультурная история славянских языков. Если в генеалогическом и структурно-типологическом отношении ареал славянских языков представляет собой континуум относительно близких между собой идиомов (в сравнении с романскими и особенно германскими языками), то социолингвистическая карта Славии качественно иная: она не только более разнообразна, но и дисконтинуальна (дискретна). Если в генеалогическом и структурно-типологическом плане два соседних родственных языка всегда ближе между собой, чем территориально разобщенные языки, то в социальной типологии картина иная. Непосредственно контактирующие родственные языки могут кардинально различаться по своему социолингвистическому статусу, по степени своей экспансии в иноэтнические ареалы и «витальности». В Славии эта контрастность судеб особенно велика между русским и белорусским языками²⁴; затем (по мере ослабления контрастности) идут следующие пары языков: русский и украинский, польский и белорусский, польский и украинский, болгарский и македонский, чешский и словацкий. Социальная «витальность» языка в целом соответствует степени политико-информационной суверенности народа, его государственно-экономической самостоятельности, причем особенно важны его независимость и отдельность по отношению к более с и л ь - н о м у (или как говорил Л.А. Булаховский, «более счастливому») с о с е д н е м у народу. Важно иметь свое место под солнцем, не быть в тени чужой экспансивной витальности. Это возможно либо на расстоянии, либо при большей паритетности контактирующих народов (государств, языков). Ср. существенно большую социальную паритетность во

²⁴ Разумеется, контрастность в статусе и перспективах немецкого и серболужицких языков еще резче, однако это не «внутриславянский» контраст.

взаимоотношениях между такими парами контактирующих языков, как польский и чешский, сербский и хорватский, словенский и хорватский, украинский и белорусский.

Л и т е р а т у р а

- Бернштейн, С.Б. 1977. Введение, *Славянские языки*, Москва, 5-18.
- Бернштейн, С.Б. 1990. Славянские языки, *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва, 460-461.
- Брозович, Д. 1967. Славянские стандартные языки и сравнительный метод, *Вопросы языкознания*, 1, 3-33.
- Вендина, Г.И. 1996. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1 Животный мир (М., 1988). Археологический комментарий, *ОЛД. Материалы и исследования 1991-1993. Сборник научных трудов*, Москва, 18-39.
- Венедиктов, Г.К. 1978. Некоторые вопросы формирования болгарского литературного языка в эпоху возрождения, *Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков*, Москва, 207-268.
- Видоески, Б. 1953. *Прилог кон библиографијата на македонскиот јазик*, Скопје.
- Виноградов, В.В. [1934, 1938] 1972. *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков*, Москва.
- Дуличенко, А.Д. 1981. *Славянские литературные микроязыки*, Таллин.
- Жураўскі, А.І. 1967. *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*, Т.1, Мінск.
- Ивић, П., 1998. Целокупна дела. VIII. *Преглед историје српског језика*, Сремски Карловци, Нови Сад.
- Мальдзіс, А.І. 1982. *Беларусь у лютэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя*, Мінск.
- Мечковская, Н.Б. 1989. «Русскими словами а словенским языком» (О языковом сознании Франциска Скорины), *Russian Linguistics*, 13, 3, 245-256.
- Мечковская, Н.Б., 1999. Национальное возрождение в Беларуси и Украине: социальные и лингвистические факторы сходств и различий, *Беларусістыка — Belarusistyka / Zeitschrift für aktuelle Fragen der weisrussischen Sprache*, [1], Berlin, 67-85.
- Мечковская, Н.Б. 2001. *Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков*, Москва.
- Мечковская, Н.Б. 2001[а]. Русский язык на лингвистической карте Славии с точки зрения социальной типологии языков, *Русский язык: исторические судьбы и современность*, Москва, 16-17.
- Мечковская, Н.Б. (в печати). *Типы языковых ситуаций и нормативно-стилистических систем в социальной характерологии славянских языков*.
- Невекловский, Г. 2001. Языковое состояние на территории распространения бывшего сербскохорватского языка, *Славяноведение*, 1, 39-50.

- [Огієнко, І.І.] Митрополит Іларіон, 1949. *Історія української літературної мови*, Вінніпег.
- ОЛА. *Материалы и исследования 1971*, Москва, 1974.
- ОЛА. *Серия лексико-словообразовательная. Выпуск 1. Животный мир*, Москва, 1988 [а].
- ОЛА. *Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 1. Рефлексы *ѣ*, Белград, 1988.
- ОЛА. *Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 2а. Рефлексы *е*, Москва, 1990.
- ОЛА. *Материалы и исследования. 1988-1990*, Москва, 1993.
- Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1*, Москва, 2000.
- Пшеничнова, Н.Н. 1996. *Типология русских говоров*, Москва.
- Русанівський, В.М. 2001. *Історія української літературної мови*, Київ.
- Смирнов, Л.Н. 1978. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780-1848), *Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков*, Москва, 86–157.
- Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментары*, Мінск, 1989.
- Стишов, О.А. 1999. Особливості розвитку лексичного складу української мови кінця ХХ ст., *Мовознавство*, 1, 7-21.
- Толстой, Н.И. [1965] 1998. Страничка из истории македонского литературного языка (переводы «Любушиного суда» из «Краледворской рукописи» на македонский язык в XIX в.), In: Толстой 1998, 395–419.
- Толстой, Н.И. [1968] 1988. К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного от характера его «стандартности», In: Толстой, Н.И. 1988. *История и структура славянских литературных языков*, Москва, 27–33.
- Толстой, Н.И. [1978–1979] 1998. Литературный язык у сербов в XVIII–начале XIX в., In: Толстой 1998, 239–344.
- Толстой, Н.И. [1987] 1998. Регионализм и литературно-языковая ситуация в хорватских землях в XVI–XVIII вв., In: Толстой 1998, 360–394.
- Толстой, Н.И. 1998. *Избранные труды. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация*, Москва.
- Трубецкой, Н.С. [1927] 1990. Общеславянский элемент в русской культуре, *Вопросы языкознания*, 2, 123–139; 3, 114–134.
- Українська мова* [в серии Najnowsze dzieje języków słowiańskich]. Opole, 1999.
- Шевельов, Ю.[В.], 1998. *Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900-1941): Стан і статус*, Чернівці.
- Шустер-Шевц, Г. 1989. Возникновение современного верхнелужицкого литературного языка в XIX в. и проблема влияния чешской модели, *Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов*, Москва, 4–23.
- Besters-Dilger, Ju. 2000. Das Ukrainische zwischen West- und Ostslavischem - sprachvergleichende und typologische Bemerkungen, *Sprache und Lite*

- ratur der Ukraine zwischen Ost und West – Mowa na literatury Ukrainy між сходом і заходом, Bern etc., 221-233.
- Bray, R.G.A. de 1969. *Guide to the Slavonic Languages*, London etc.
- Brozović, D. 1970. *Standardni jezik. Teorija, usporedbe, geneza, povijest, suvremena zbilj*, Zagreb.
- Encyklopedia języka polskiego*. Pod redakcją Stanisława Urbańczyka. Wyd. 2. Wrocław etc. 1994.
- Issatschenko, A. 1975. *Mythen und Tatsachen über die Entstehung der russischen Literatursprache*, Wien.
- Kidrič, F. 1938. *Zgodovina slovenskga slovstva od začetkov do Zoisove smrti*, Ljubljana.
- Klemensiewicz, Z. 1965. *Historia języka polskiego. Część II. Doba średnio-polska (od początków XVI wieku do ósmego dziesięciolecia XVIII wieku)*, Warszawa.
- Language Typology and Language Universals. An International Handbuch*, Berlin, New York, 2001.
- Logar, T., Rigler, J. 1986. *Karta slovenskih narečij*. Ljubljana.
- Newekłowsky, G. 2002. Die südslawischen Sprachen heute, *Aktuelle Fragen der Sprache der Bosniaken, Kroaten, Serben und Montenegriner*, Materialien der Internationalen Tagung, Wien, 2002, 18–19.
- Nikčević, V. 1998. Crnogorski jezik, *Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoj (=Slavica Tartuensia IV)*. Tartu, 116–127.
- Perkins, R. D. 2001. Sampling procedures and statistical methods, *Language Typology*, 419–434.
- Petre, F. 1939. *Pozkus ilirizma pri Slovencih (1835-1849)*, Ljubljana.
- Popowska-Taborska, H. 2000. Język a tożsamość - casus kaszubszczyzny, *Jezyk a tożsamość na pograniczu kultur (=Prace Katedry Kultury Białoruskiej Uniwersytetu w Białymstoku [1])*, Białystok, 171-176.
- Priestly, T.M.S. 1993. Slovene, *The Slavonic Languages*. Edited by Bernard Comrie and Greville G. Corbett. London and New York, 388-451.
- Reczek, J. 1994. Historia języka, *Encyklopedia języka polskiego*. Wyd. 2. Wrocław etc., 115–117.
- Sasse, H.J. 2001. Typological changes in language obsolescence, *Language Typology*, 1668–1677.
- Thomason, S.G. 2001. Contact-induced typological change, *Language Typology*, 1640–1648.
- Toporišič, J. 1992. *Enciklopedija slovenskega jezika*, Ljubljana.
- Vidovič-Muha, A. 1998. Razvojne prvine normativnosti slovenskega knjižnega jezika, *Slovenski jezik* [в серии Najnowsze dzieje języków słowiańskich], Opole, 19–47.
- Vince, Z. 1990. *Putovima hrvatskoga književnog jezika: Lingvističko-kulturno-povijesni prikaz filoloških škola i njihovih izbora*. Drugo, dopunjeno izdanje, Zagreb
- Wingender, M. 1998. Standardsprachlichkeit in der Slavia: Eine Überprüfung des Begriffsapparates, *Zeitschrift für Slawistik*, 43, 2, 127–139.